

Е. В. Киселева

РОЛЬ ПАРИЖСКИХ СЕКЦИЙ В ПЕРЕВОРОТЕ 9 ТЕРМИДОРА

Французский ежегодник, 1987,

посвященный 200-летию Великой французской революции.

М.: Наука. 1989. С.69-82

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

Переворот 9 термидора явился переломным моментом в развитии Великой французской революции. В результате выступления термидорианцев пала якобинская диктатура и началась нисходящая фаза революции, закончившаяся 18 брюмера установлением авторитарного режима.

В ответ на арест на заседании Конвента 9 термидора Робеспьера и его сподвижников Сен-Жюста, Кутона, О. Робеспьера и Леба Коммуна Парижа обратилась к секциям с призывом выступить против Конвента. Таким образом, от позиций парижских секций зависел исход борьбы Коммуны и Конвента в тот решающий для робеспьеристов день.

Среди обилия книг о французской революции лишь работы [Н.И.Кареева](#) и [Я.М.Захера](#)¹ всецело посвящены поведению секций во время конфликта Коммуны и Конвента. Остановимся на них несколько подробнее. Н.И.Кареев пришел к выводу, что “громадное большинство секций, почти все, решительно стали на сторону Конвента...”², но не принял во внимание присоединение к Коммуне комитетов секций и общих собраний, представители которых принесли присягу Генеральному совету Парижской коммуны, а также борьбу внутри секций, длившуюся до ночи. В числе причин неудачи Коммуны Кареев называет отсутствие в секциях ясного представления о происходящем³.

Я.М.Захер, дав в своей книге общую картину расстановки сил во время столкновения Коммуны и Конвента, отметил, что на позицию ряда секций, несомненно, повлияло недовольство масс противоречивой политикой робеспьеристов. Положение в секциях бегло обрисовано [К.П.Добролюбским](#)⁴; настроению парижских рабочих во время борьбы робеспьеристов с термидорианцами посвящены работы С.Б.Кана и Я.М.Захера⁵; движению в секциях за Коммуну — наша статья⁶.

В многочисленных зарубежных трудах о революции, в том числе французских историков, найдется немного работ, в которых затрагивается участие секций в выступлении Коммуны против Конвента. О роли секций в этот день упоминают в общих трудах о революции А.Тьер, [Ф.Минье](#), [Ж.Мишле](#), Э.Амель, [Л.Блан](#). [А.Собуль](#)⁷ в монографии о парижских санкюлотах кратко характеризует позиции секций во время переворота. Он пишет о разногласиях в секциях между революционными и гражданскими комитетами и общими собраниями, отмечая, что лишь меньшинство секций, 10 из 48, сразу примкнули к Конвенту. Основную причину поражения Коммуны А.Собуль видит в усилении централизации правительственного аппарата. Однако, уделяя основное внимание выявлению противоречий между революционным правительством и народным движением, он недооценивает приход в Коммуну представителей революционных и гражданских комитетов, общих собраний и принесение ими присяги Генеральному совету.

Как только около трех часов дня декрет об аресте Робеспьера стал известен в Парижской коммуне, ее руководители мэр Парижа Флерио-Леско и Пейан начали организовывать сопротивление секций Конвенту. Командующий парижской национальной гвардией Анрио приказал начальникам легионов немедленно прислать отряды секций к муниципалитету, а заместителям командиров секций передать распоряжение комитетам секций направить в Коммуну по одному члену из каждого революционного комитета.

В половине шестого вечера открылось чрезвычайное заседание Генерального совета Парижской коммуны, на котором Флерио-Леско объявил о восстании против Конвента. Коммуна постановила закрыть городские заставы и обратилась с воззванием к парижскому народу, а также призвала все секции принести ей на верность присягу. Вовлекая секции в восстание против Конвента, руководители Коммуны объявили о созыве общих собраний секций и приняли постановление, по которому секции должны были ежечасно сноситься с муниципалитетом⁸.

Начав борьбу с Конвентом в защиту Робеспьера, Коммуна прибегла к испытанному средству, которое принесло парижским секциям победу над монархией, а затем над жирондистами, — к выступлению секций. Однако Коммуна 9 термидора в значительной степени отличалась от Коммуны 10 августа 1792 г. и 31 мая 1793 г. С установлением революционного порядка управления Парижская коммуна оказалась под непосредственным контролем правительства. Комитет общественного спасения, облеченный полномочиями проводить чистку, поменял весной II года состав Генерального совета. Причем, замещая муниципальных советников, он не обращался к секциям, которые они представляли в Коммуне. Флерио-Леско по постановлению Комитета общественного спасения стал мэром Парижа вместо арестованного во флореале Паша. Еще раньше, в жерминале, Комитет сделал Пейана национальным

агентом Коммуны. В отличие от прокурора Коммуны [Шометта](#), избранного секциями и не подчинявшегося правительству, Пейан являлся простым государственным чиновником, обязанным поддерживать регулярную переписку Коммуны с Комитетом общественного спасения⁹. Более того, Коммуна утратила прежние связи с революционными комитетами, которые по [декрету от 14 фримера](#), окончательно оформившему установление революционного порядка управления во Франции до заключения мира, получали приказания лишь от правительственных комитетов. Они должны были «напрямую и без посредников сноситься с Комитетом общественной безопасности»¹⁰. В этой связи особо отметим, что статья 1 раздела IV, озаглавленная «Реорганизация и чистка установленных властей», уполномочивала Комитет общественного спасения изменять установленные власти и тем самым полностью изолировала революционные комитеты от Коммуны. В жерминале после разгрома эбертистов Комитет общественного спасения стал назначать революционных комиссаров секций. Общие собрания секций были отстранены от выборов революционных комитетов, которые теперь зависели теперь лишь от правительства. Комитет общественного спасения ослабил Коммуну и секции, запретив установленным властям сноситься между собой¹¹. Декрет от 14 фримера не разрешал установленным властям менять сущность своей организации как посредством соединения с другими властями, посредством посылки депутатов, уполномоченных образовывать центральные собрания, так и посредством посылки комиссаров к другим установленным властям¹². Парижская коммуна перестала быть законным центром секций, которые отныне не могли создавать объединения, как это было [10 августа 1792 г.](#) и 31 мая 1793 г.¹³

После установления революционного порядка были отменены непрерывные заседания секций. По инициативе [Дантона](#) Конвент осенью 1793 г. ограничил их заседания двумя днями в декаду: 5 и 10 числа. Созыв Коммуной общих собраний 9 термидора противоречил этому декрету.

В день переворота Комитет общественного спасения не замедлил воспользоваться властью над Коммуной и секциями. Приказав революционным комитетам оставаться на местах, он запретил секциям устанавливать сношения с муниципалитетом. Чтобы лишить Коммуну поддержки секций, Конвент окончательно отменил общие собрания секций без разрешения правительственных комитетов¹⁴.

Во время народных выступлений над Парижем обычно раздавался гул набата, закрывались городские заставы. По приказу Коммуны 9 термидора зазвонил колокол на ратуше, но не было слышно самого мощного колокола — на соборе Нотр-Дам, находившегося на территории секции Сите. Именно он 31 мая 1793 г. известил секции о начале восстания против жирондистов. Закон о революционном порядке управления под угрозой смерти запрещал бить в набат без специального постановления Конвента. На этом основании революционный комитет секции Сите отказался исполнить распоряжение муниципалитета и ударить в набат на колокольне собора¹⁵. Во время действия закона о революционном порядке Коммуна не имела права закрывать городские заставы. Поэтому, когда она издала постановление об их закрытии, Конвент принял декрет, подтверждавший запрет закрывать заставы¹⁶. В борьбе с Коммуной Конвент применил суровую меру, объявив ее и арестованных депутатов вне закона. С целью обезопасить себя от вооруженного вторжения отрядов Коммуны Конвент организовал защиту, поставив во главе вооруженных сил Барраса и отдав приказание секциям направить половину отрядов в его распоряжение”

Термидорианцы в борьбе с Коммуной обратили против нее законы революционного правительства. Попытке робеспьеристов оказать давление на Конвент посредством выступления секций Комитет общественного спасения противопоставил законность и незыблемость революционных институтов. Смысл речей [Барера](#) в Конvente сводился к защите правительственных комитетов от нападков Робеспьера, который в своей речи 8 термидора требовал их обновления. С деятельностью Комитета общественного спасения Барер связывал утверждение республики: «Без обоих комитетов ([Комитета общественного спасения](#) и Комитета общественной безопасности. — *Е.К.*) революционное правительство и республика были бы давно низвергнуты. Без централизации правительства Франция была бы побеждена королями, свобода погибла бы навсегда, а истинные патриоты были бы уничтожены»¹⁷.

Конвент обратился к секциям с прокламацией, в которой содержались основные положения речей Барера в Конvente 9 термидора. Восстание Коммуны изображалось в ней Конвентом как заговор робеспьеристов против революционного правительства: «Граждане, среди блестящих побед над внешними врагами, — говорилось в ней, — республике угрожает новая опасность... Революционное правительство, внушающее ненависть врагам Франции, подверглось нападению в нашей собственной среде»¹⁸. Далее Конвент призывал объединиться вокруг национального представительства, чтобы избежать ужасов гражданской войны.

Кульминацией 9 термидора явилась борьба Конвента и Коммуны за секции: с одной стороны, в секции поступали распоряжения муниципалитета, с другой — они одновременно получали приказы правительства, запрещающие повиноваться Коммуне. В этом плане действия революционного комиссара [Дегу](#)¹⁹ из секции Французского пантеона дают наглядное представление о сложившейся в секциях ситуации, вследствие утраты Коммуной связи с революционными комитетами. Даже убежденные борцы, получив приглашение принести присягу Генеральному совету коммуны, затруднялись в принятии решения. К этому столь необычному шагу Коммуны, нарушавшему закон о революционном правлении, недоверчиво отнесся революционный комитет секции Французского пантеона и желая выяснить причины, его вызвавшие, послал в пять часов вечера комиссара Дегу в Генеральный совет для наблюдения, но без права участия в принятии решений²⁰. Но, прежде чем пойти в Коммуну, Дегу направился в

администрацию полиции к своему знакомому Биго. Попросив его объяснить положение вещей, Дегу не скрывал, что постановление муниципалитета о принесении присяги удивило его: “Ведь революционный закон, — говорил он, — самым категорическим образом запрещает такого рода объединения”. Заверения Биго и других администраторов полиции, что “Коммуна поднялась во имя интересов народа, который сегодня осуществляет свою власть”, не убедили Дегу. Он не одобрил призыва Биго к революционному комитету секции объединиться с Коммуной и сразу сообщил в Комитет общественного спасения о своей беседе с ним. Революционный комитет секции занимал выжидательную позицию, не высказываясь ни за Коммуну, ни за Конвент до восьми часов вечера. В это время он получил приказ Комитета общественного спасения оставаться на своем посту и вскоре принял решение о присоединении к Конвенту²¹.

До какого обострения доходила борьба в других секциях по вопросу, считать ли Коммуну или Конвент центром объединения секций, видно из дискуссии на общем собрании секции Неделимости. Поступавшие противоположные приказы из муниципалитета и Конвента повергали граждан этой секции в состояние полной растерянности. Так, революционный комиссар секции Виар информировал собрание о правительственных мерах, в том числе и об объявлении Коммуны вне закона. Член секции Герен, напротив, выступал в поддержку муниципалитета²². Прибывший из Коммуны член секции Рено произнес горячую речь в ее защиту, заявив, что секции объединились с Коммуной и что Генеральный совет готовит обращение, в котором разъяснит свои требования Конвенту. Он также сообщил, что арестованные депутаты освобождены. Но, поскольку обстановка для членов секции оставалась неясной, председатель собрания Майо назначил комиссаров в Конвент, Коммуну и Якобинский клуб. Однако дискуссии продолжались, и сторонники Коммуны требовали прекратить связь с Конвентом и признать ее повстанческим центром. Они обосновывали верховную власть Коммуны над Конвентом тем, что секции облекли ее доверием и сплотились вокруг нее. В то же время Майо решил ознакомить секцию Неделимости с прокламацией Конвента. Прервавший его Альмен пытался убедить собрание переслать прокламацию в муниципалитет, мотивируя это тем, что “весь народ объединился с Коммуной, открыто не признавая Конвент”²³.

По инициативе заместителя командира отряда Бонифаса прокламация была оглашена. Но выступая против муниципалитета, который, по его мнению, не совершил преступления, он в то же время предложил собранию внимательно отнестись к прокламации Конвента. Противники Коммуны упорно защищали Конвент как средоточие высшей власти. Член секции Верже напомнил собранию о долге повиноваться Конвенту: “Ничто, — сказал он, — не должно заставить нас перестать уважать Конвент и не повиноваться ему”²⁴. Споры между сторонниками той и другой партии накалялись. Журне, выступавший за присоединение к Коммуне, передал собранию обращение к секции ее представителя в Генеральном совете Реми — сплотиться вместе с другими секциями с Коммуной. Однако Майо заметил, что по-прежнему неясно, кто вводит в заблуждение народ, Коммуна или Конвент, и оттягивал принятие окончательного постановления. Спустя два часа, в обстановке непрекращающейся дискуссии, Майо, не осмеливаясь порвать с Конвентом, внес противоречивое предложение: “Собрание, — заявил он, — не нарушит присягу установленным властям. По приглашению Коммуны оно готово объединиться с нею... для удержания республики под руководством Конвента”²⁵. Вокруг предложения Майо вновь завязались споры, продолжавшиеся до позднего часа. Только в три часа ночи, когда победа Конвента была бесспорной, собрание примкнуло к нему.

Смятение, замешательство характеризуют поведение в день переворота многих секционных активистов. Так, революционный комитет секции Бонне-Руж долго медлил с принятием решения. Он отправил в правительственные комитеты четыре письма с приглашением Коммуны принести ей присягу, но без упоминания о том, принимает он их или отвергает. Подобную осторожную позицию занимали во время переворота многие секции, ожидая “победы какой-нибудь из сторон с тем, чтобы... тогда высказаться самим”²⁶. Только когда Коммуна потерпела поражение, революционный комитет секции Бонне-Руж 10 термидора между четырьмя и пятью часами сообщил Комитету общественного спасения о признании Конвента²⁷.

Не было колебаний, присоединяться или нет к Конвенту, в 14 секциях — Тюильри, Республики, Революционной, Елисейских полей, Тамплъ, Гренельского фонтана, Единства, Мон-Блан, Вильгельма Телля, Рынка, Сплочения, Музея, Ломбар, Бонн-Нувель. В большинстве секций позиции революционных и гражданских комитетов, а также общих собраний по отношению к мятежной Коммуне были различными. В результате расхождения во время переворота между установленными властями секций и их общими собраниями в них сложилась чрезвычайно запутанная ситуация.

Наибольшую поддержку выступление Коммуны нашло в тех секциях, где преобладало рабоче-ремесленное население. В Сент-Антуанском предместье принесли присягу Коммуне гражданский комитет секции Монтрей, революционный комитет и общее собрание секции Попенкур. В третьей секции предместья — Кенз-Вен в революционном и гражданском комитетах мнения разделились. Некоторые комиссары колебались принести присягу Коммуне, но часть членов принесли присягу Генеральному совету. В предместье Сен-Марсо принесли присягу Коммуне революционные и гражданские комитеты, а также общие собрания секций Санкюлотов и Финистер. Прислали в Коммуну комиссаров для принесения присяги общее собрание секции Обсерватории, революционный комитет секции Бонди, революционные и гражданские комитеты секций Северного предместья, предместья Монмартр, гражданский комитет секции Гравилье, гражданский комитет и общее собрание секции Пуассоньер, общее собрание секции Французского пантеона²⁸. Таким образом, только три секции, в которых преобладало рабоче-ремесленное население, — Музея, Ломбар, Бонн-Нувель — не поддержали Коммуну. Кроме того, откликнулись на призыв Коммуны принести ей присягу ряд секций, в которых значительна была мелкобуржуазная и средне-буржуазная прослойка — среди них революционные и гражданские комитеты и общие собрания секций Братства и Шалье, революционный комитет и общее собрание секции Друзей Отечества, общие

собрания секций Марата, Бонне-Руж, Общественного договора, революционный комитет секции Ратуши, революционный и гражданский комитеты секции Неделимости, гражданские комитеты секций Муция Сцевола, Арси, Французских гвардейцев²⁹. В то же время в нескольких секциях, где преобладала мелкобуржуазная прослойка, позиция комитетов в пользу Коммуны была недостаточно выражена.

Среди них революционные комитеты секций Пик, Брута, Вооруженного человека, гражданские комитеты секций Общественного договора, Инвалидов, Хлебного рынка. Хотя они высказались за поддержку Коммуны³⁰, но формально не прислали представителей в Генеральный совет, что, с одной стороны, говорит о сложности создавшейся во время переворота ситуации, а с другой — является результатом пассивности руководителей Коммуны, которые не предпринимали более решительных действий для активизации их выступления. Итак, Коммуна имела приверженцев всего в 28 секциях из 48. Отсутствие единого к ней отношения в секциях в значительной степени ослабило ее. Только в пяти секциях — Обсерватории, Санкюлотов, Финистер, Братства и Шалье — все установленные власти и общие собрания принесли присягу Коммуне. Благодаря поддержке, оказанной Коммуне этими секциями, она казалась в первые часы восстания сильнее Конвента. В то время как в Генеральный совет направлялись делегации, в Конвенте до 10 часов вечера не было представителей секций. Поскольку в Коммуну для присяги приходили делегации из двух и более человек, то это создавало в Генеральном совете впечатление широкого сплочения секций вокруг Коммуны. Возвращавшиеся из муниципалитета посланцы секций рассказывали собравшимся об объединении с ним парижских секций. Так, комиссары секции Сите около девяти часов вечера сообщили общему собранию, что они были «свидетелями присяги Генеральному совету нескольких делегаций и множества граждан»³¹. Лемассон, помощник мирового судьи, говорил на собрании секции Шалье о присяге многих делегаций Генеральному совету, в том числе представителей революционного комитета секции Шалье.

Кроме того, к Коммуне стягивались отряды секций. Члены революционного комитета секции Шалье, прибыв в секцию после принесения присяги Коммуне, сообщили «о множестве граждан и войск, в том числе артиллеристов»³², собравшихся около муниципалитета. В эти часы вооруженные силы Коммуны превосходили силы Конвента. По приказу Анрио к семи часам вечера около 3 тыс. национальных гвардейцев и канониров с орудиями заполнили площадь перед муниципалитетом. К десяти часам Коммуна располагала 17 остами канониров с 32 орудиями. Конвент имел к этому времени лишь стражу и одну роту канониров³⁴.

В связи с тем, что Коммуна первая обратилась к секциям за помощью, она в начале движения имела преимущество перед Конвентом в организации сил секций на свою защиту. Но руководители Коммуны Флерио-Леско и Пейан не смогли развить выступление секций в ее пользу. После того как они обратились к секциям, приглашая их принести присягу Генеральному совету, Коммуна не предприняла никаких дальнейших действий. Войска, стоявшие на Гревской площади, не получили приказаний и бездействовали. Организованный Коммуной в начале десятого вечера Исполнительный комитет до позднего часа не принимал ни одного постановления.

События 9 термидора обнаружили неспособность робеспьеристов организовать массовое выступление в поддержку Коммуны, ибо они не выдвинули ни одного социального требования, которое отразило бы пожелания секций.

В воззвании, с которым Генеральный совет обратился 9 термидора к населению Парижа, конфликт Коммуны и Конвента оценивался с точки зрения личных разногласий Робеспьера с депутатами Конвента³⁵. Напротив, опубликование Коммуной накануне переворота (5 термидора) тарифа твердых ставок заработной платы вызвало недовольство парижских рабочих³⁶. В такой ситуации, когда Коммуна стала инициатором ограничения роста заработной платы, она не могла рассчитывать на массовую поддержку парижского населения. Правда, в воззвании 9 термидора Коммуна осудила это постановление, несущее, как было сказано, «голодную смерть рабочим»³⁷. Однако, возлагая на Барера ответственность за введение максимума заработной платы, сам муниципалитет не проявил настойчивости и не требовал его отмены. Поэтому отрицательная реакция Коммуны на новый тариф заработной платы была запоздалой и тщетной.

К завязавшейся борьбе муниципалитета и Конвента рабочие остались безучастными. В этой связи интересны наблюдения осведомителя Дюлака, находившегося 9 термидора на трибунах Конвента. После того как был оглашен обвинительный декрет против Робеспьера, Дюлак, думая, что сторонники Робеспьера обратятся

к жителям Сент-Антуанского предместья за помощью, сразу же отправился туда. В предместье было спокойно, и его обитатели находились в полном неведении о случившемся на заседании Конвента. Дюлак видел Анрио, мчавшегося на лошади по улицам предместья и кричавшего «К оружию, мои братья! Мошенники и негодяи торжествуют! Они только что арестовали Робеспьера и всех лучших патриотов Конвента»³⁸. Этот призыв Анрио не нарушил спокойствия предместья. В то же время в отдельных местах Парижа рабочие открыто выражали свое возмущение новыми расценками их труда, введенными Коммуной. В день переворота происходило брожение среди каменщиков и каменотесов, занятых на строительстве сахарного завода на территории секции Единства. О ропоте трудящегося люда донес Комитету общественного спасения революционный комитет секции Тюильри, который арестовал двух рабочих за проклятия по поводу введения максимума заработной платы³⁹. Налицо было равнодушие и безразличие массы парижских рабочих к судьбе Коммуны. Таким образом, 9 термидора уже не могло быть единого выступления рабоче-ремесленного населения столицы, как это происходило в предшествующие решающие революционные дни.

Развитие событий 9 термидора показало, что поддержка секциями восстания Коммуны на деле была ограниченной. Даже к 9 часам вечера, в момент наивысшего подъема движения в секциях за Коммуну, когда в Генеральный совет прибыли для присяги большинство представителей от революционных и гражданских комитетов и общих собраний секций, присоединившихся к Коммуне, общая расстановка сил сложилась не в пользу робеспьеристов.

Таблица*. Расстановка сил в 95** комитетах секций 9 термидора

Комитеты	
революционные	гражданские
За Коммуну 15	За Коммуну 20
За Конвент 26	За Конвент 20
Колебавшиеся 7	Колебавшиеся 7

* Таблица составлена на основании отчетов секций, ответов секций на приглашение Коммуны принести ей присягу и протокола заседания Коммуны 9 термидора. Некоторые сведения о событиях в секциях во время переворота взяты из доклада Куртуа, в отдельных случаях мы пользовались данными А. Собоуля.

** Нет сведений о позиции гражданского комитета секции Марата. Возможно, что депутация от него присоединилась к комиссарам общего собрания этой секции, принесшим присягу Генеральному совету.

Из таблицы видно, что больше половины революционных комитетов (26) высказались за Конвент. Причем еще до получения приказа Комитета общественного спасения оставаться на своем посту многие революционные комитеты присоединились к Конвенту, ссылаясь на декрет от 14 фримера. А.Собоуль подчеркивает, что "состоявшаяся 9 термидора проба сил доказала эффективность правительственной централизации"⁴⁰.

Гражданские комитеты сохранили более тесную связь с муниципалитетом, чем революционные⁴¹.

Что же касается общих собраний, которые в конечном счете определяли позиции и настроения в секциях и их комитетах, то многие из них организационно не были вовлечены в борьбу между Конвентом и Коммуной. Расстановка сил на общих собраниях секций 9 термидора была такова:

число секций 48

число общих собраний, которые не были созваны 15

число общих собраний, примкнувших к Конвенту (без дискуссий) 12

число общих собраний, принесших присягу Коммуне 12

число общих собраний, которые колебались 9

Подчинение весной II года общих собраний революционным комитетам секций повлияло на обстановку, сложившуюся в день переворота. Общие собрания не были открыты в 14 секциях, где революционные и гражданские комитеты сразу присоединились к Конвенту⁴², и в одной секции (Арсенала), революционный и гражданский комитеты которой колебались. Правда, остальные секции исполнили распоряжение Коммуны об открытии общих собраний, однако в 12 секциях общие собрания открылись тогда, когда революционные комитеты уже высказались за Конвент, и эти собрания без обсуждения присоединились к нему⁴³.

После девяти часов вечера общая расстановка сил складывалась еще более неблагоприятно для мятежной Коммуны. В то время как ее руководители бездействовали, правительственные постановления, поступавшие в секции, меняли в них настроение. Все более очевидной становилась непрочность поддержки Коммуны со стороны части революционных и гражданских комитетов, принесших вначале ей присягу. По поступлении правительственных предписаний они отказывались от присяги муниципалитету. Так, революционный комитет секции Бонди, давший клятву в Коммуне в шесть часов вечера, в девять, получив приказ Комитета общественного спасения оставаться на посту, примкнул к Конвенту. Так же поступили в девять часов вечера революционный и гражданский комитеты секции Санкюлотов, к одиннадцати часам вечера революционный комитет секции Попенкур.

Большое значение в отказе от первоначальных позиций комитетов и общих собраний секций имел декрет об объявлении Коммуны вне закона. Под влиянием этого декрета изменило свое отношение к Коммуне общее собрание секции Брута, открывшееся в половине десятого вечера и избравшее в Коммуну делегацию для установления с ней связи. Сообщение об объявлении Коммуны вне закона внесло колебания в его ряды, и вскоре собрание отменило свое решение об отправке комиссаров в муниципалитет. По получении декрета, ставящего Коммуну вне закона, примкнул к Конвенту, после одиннадцати часов вечера и гражданский комитет секции Бонди⁴⁴, который до этого колебался.

К этому времени секции были увлечены волной движения за присоединение к Конвенту. В конце концов за правительство высказались и секции, долгое время упорствовавшие в своей поддержке муниципалитета. Так, в двенадцать часов ночи примкнули к Конвенту гражданский комитет и общее собрание секции Общественного договора, которые, хотя им были известны предписания правительства, выступили на стороне Коммуны⁴⁵. К этому часу присоединились к Конвенту и общие собрания секций Санкюлотов, Бонне-Руж, Марата. К часу ночи на стороне Коммуны оставалось небольшое число комитетов и общих собраний. Среди них революционные и гражданские комитеты секций Северного предместья, Братства, общие собрания секций Французского пантеона, революционные и гражданские комитеты и общие собрания секций Обсерватории и Шалье.

Присоединявшиеся к Конвенту секции одновременно отзывали с Гревской площади свои вооруженные силы, которые возвращались в секции и по приказанию Конвента, отправлялись на его защиту. Ряды национальных гвардейцев и канониров, находившиеся на площади перед ратушей, постепенно редели. К часу ночи остались лишь четыре роты секций Ломбар, Кенз-Вен, Попенкур и Финистер, которые покинули площадь в половине второго ночи. Войска Конвента под командованием Барраса смогли поэтому беспрепятственно подойти к зданию Коммуны, которую в этот час уже никто не охранял.

Закономерен вопрос о роли в событиях этого дня "левой" оппозиции революционному правительству, существовавшей во 11 году. Ограничение зимой 1793 г. прав секций вызвало сопротивление со стороны "левых", не примирившихся с подчинением секций правительственным комитетам. Регрессию правительства в жеминале были направлены против всех секционных деятелей, которые продолжали выступать за независимость общих собраний и отказывались подчиниться контролю правительства.

Анализ поведения комитетов и общих собраний секции показывает, что "левая" оппозиция активно себя в этот день не проявила⁴⁶. К рассматриваемому периоду многие лидеры "левых" были арестованы и устранены. Но главным фактором, из-за которого "левые" не смогли сыграть решающей роли 9 термидора, является то, что революционные комитеты, руководившие секциями, прошли чистку правительственных комитетов и превратились в исполнителей постановлений правительства.

Однако наличие "левой" оппозиции революционному правительству во II году нельзя сбрасывать со счетов, говоря о 9 термидоре, поскольку она в значительной степени вызвала социальный и политический кризис якобинской диктатуры, сделавший возможным выступление против нее большинства депутатов Конвента.

Социально-экономический и политический кризис якобинской диктатуры наложил отпечаток на весь ход восстания Коммуны против Конвента. Из-за противоречивой политики робеспьеристов парижские рабочие не поддержали Коммуну в ее борьбе с Конвентом. Призывая секции выступить против Конвента, Коммуна опиралась на суверенитет народа, но секции ей уже не подчинялись. Однако анализ переворота показывает, что революционное правительство пользовалось определенной поддержкой простого люда. Наиболее революционные секции, такие, как Попенкур, Обсерватории, Санкюлотов, Финистер, Северного предместья, Гравилье, Предместья Монмартр и др., несмотря на закон, прислали в Коммуну своих представителей, которые принесли присягу Генеральному совету, признав таким образом ее центром народного движения. 9 термидора не наблюдалось враждебного отношения к Конвенту, олицетворявшему революционное правительство. Выстрой победе термидорианцев над робеспьеристами не в последнюю очередь способствовало их выступление под лозунгом защиты Конвента, популярность которого в парижских секциях была велика. В день переворота сильно проявилось доверие к Конвенту, к депутатам со стороны секционных деятелей. В адресе жителей коммуны Бельвиль, в окрестностях Парижа, которые, взволнованные арестом Робеспьера, прислали своих представителей в Коммуну, наряду с заверениями в преданности общественному делу и готовностью прийти на помощь своим братьям из Парижа содержалось приветствие Конвенту⁴⁷. Национальные гвардейцы секций, собравшиеся по приглашению Коммуны на Гревской площади, на призыв Коффиналя и Луве освободить Робеспьера, заключенного в помещении Комитета общественной безопасности, ответили: "Да здравствует Конвент!"⁴⁸ Эпизод, происшедший у казначейства, также ярко свидетельствует о доверии активистов секций к Конвенту. Коммуна отправила отряд под командованием Шаландона, комиссара секции Вооруженного человека, принесшего присягу Генеральному совету, охранять этот важный объект. Конвент также направил к казначейству отряд во главе с депутатом Мерленом из Тионвиля. Расположившийся у здания казначейства отряд Шаландона при приближении Мерлена с отрядом Конвента приветствовал его возгласом: "Да здравствует Конвент!" Подобные примеры почтительного отношения активистов секций к Конвенту можно было бы продолжить. В этом плане позиция секций разительно отличается от той, которую они заняли после термидора, когда в секциях нарастали гнев и возмущение его политикой, заставившие плебейство Парижа, доведенное до отчаяния бедственным положением, подняться против термидорианского Конвента.

В столкновении Коммуны и Конвента, решившем судьбу революционного правительства, выступление термидорианцев от имени Конвента, пользовавшегося авторитетом у парижских секций, облегчило им объединение секций вокруг национального представительства. Противоречивая социально-экономическая политика якобинской диктатуры вызвала отход от нее плебейских масс. Тем не менее эгалитаристская тенденция, присущая политике якобинцев вплоть до 9 термидора, свидетельствует, что влияние "плебейского натиска" продолжало сказываться.

Термидорианский заговор, устранив робеспьеристскую группировку, которой принадлежало руководство в якобинском неоднородном блоке, обусловил решительный поворот в социально-экономической политике Конвента и привел к власти термидорианскую буржуазию.

1 Кареев Н. Роль парижских секций в перевороте 9 термидора. СПб., 1914; Захер Я.М. 9 термидора. Л., 1926.

2 Кареев Н. Роль парижских секций. . . С. 62.

3 Там же. С. 75.

4 Добролюбовский К. П. Термидор: Очерки по истории классовой борьбы во Франции в 1794-1795 гг. Одесса, 1949.

5 Кан С. Б. Парижские рабочие в революции 1789—1794 гг.: Историогр. обзор// Вопр. истории. 1956. № 1; Захер Я.М. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора // Новая и новейшая история. 1962. № 5.

6 Киселева К. В. Парижская коммуна и секции 9 термидора // Французский ежегодник, 1981. М., 1983. С. 106.

7 *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры: На родное движение и революционное правительство, 2 июня 1703 года - 9 термидора II года. М., 1966.

8 *Buchez P.J., Roux P.C.* Histoire parlementaire de la Révolution française. P., 1834-1838. Т.34. P.46, 47, 48, 49.

9 См.: *Собуль А.* Указ. соч. С. 337-338.

10 *Mautochet P.* Le gouvernement révolutionnaire. P., 1912. P.54. (Весной 1793 г. в накаленной обстановке борьбы с жирондистами в Конвенте комитеты секций были надежной опорой Коммуны в борьбе с умеренными, и 9 термидора она рассчитывала на их помощь. Однако летом II года она уже не руководила ими.)

11 См.: *Собуль А.* Указ. соч. С.302-303.

12 *Mautochet P.* Op. cit. P.154.

13 Объединение секций для совместных действий составляло силу народного движения в годы революции, они стремились создать свой обособленный центр. Так, 10 августа собрания секций избрали комиссаров в ратушу, которые сместили законный муниципалитет и образовали революционную Коммуну. Накануне событий 31 мая – 2 июня 1793 г. секции создали повстанческий центр в Епископстве, взявший на себя организацию восстания, когда оно началось, руководители центра требовали от Коммуны энергичных действий. Подробнее об этом см.: *Гордон А.В.* Падение жирондистов: Народное восстание в Париже 31 мая – 2 июня 1793 г. М., 1988.

14 *Buchez P.J.B., Roux P.C.* Op. cit. P.69.

15 *Sainte-Claire Deville P.* La Commune de l'an II: La vie et mort d'une assemblée révolutionnaire. P., 1946. P. 225.

16 *Ruchez P.J.B., Roux P.C.* Op. cit. P. 69.

17 Ibid. P. 27.

18 Ibid. P. 30,

19 Дегу был по профессии гравер. Когда в прериале II года Пейан собирал сведения о членах революционных комитетов, то представитель этой секции в Генеральном совете Лорине охарактеризовал его как “зрелого мужа, благодаря своему опыту и склонностям к размышлению... обладающего знаниями, способностями и талантом, умеющего хорошо читать, писать и говорить... наделенного энергией и темпераментом, вообще присущими патриотам, отличающегося здравомыслием, быстротой и верностью реакции” (*Sainte-Claire Deville P.* Op. cit. P.239).

20 *Кареев Н. И.* Неизданные протоколы парижских секций 9 термидора II года. СПб., 1914. С. 80.

21 Там же. С.80-81.

22 Там же. С.58.

23 Там же. С.59.

24 Там же.

25 Там же. С.60.

26 Там же, С. 74-75.

27 Там же; *Собуль А.* Указ. соч. С.511.

28 См.: *Киселева Е. В.* Указ. соч. С.119.

29 Там же. С.120.

30 *Собуль А.* С.509-510.

31 *Кареев Н. И.* Неизданные протоколы. . . С.63.

32 Rapport fait au nom des comités de salut public et de sureté générale, sur les événements du 9 thermidor an II, précédé d'une préface en réponse aux détracteurs de cette mémorable journée / Prononcé par E. B. .fvourtois, le 8 thermidor, P., An. III. P. 117 (далее: Rapport de Courtois).

33 *Кареев Н. И.* Неизданные протоколы. . . С.78—79.

34 *Собуль А.* Указ. соч. С.504, 506.

35 *Buchez P.J.B., Roux P.C.* Op. cit. P.46.

36 *Rude G., Soboul A.* Le maximum des salaires parisiens et le 9 thermidor // AHRF. 1954. N 1.

37 Ibid. P.46.

38 Rapport de Courtois. P.207-208.

39 *Кареев Н. И.* Неизданные протоколы. . . С.2, 69.

40 *Собуль А.* Указ. соч. С.512.

41 Большинство революционных и гражданских комитетов, присоединившихся к Конвенту, относились к умеренным секциям с преобладанием буржуазного населения. Таковы секции, где все установленные власти — революционные и гражданские комитеты, — высказались за Конвент: Тюильри, Революционная, Ломбар, Тампля, Елисейских нолей, Гренельского фонтана, Единства, Вильгельма Телля, Рынка. Кроме того, за Конвент высказывались еще и все установленные власти двух секций со значительной мелкобуржуазной прослойкой Республики и Сплочения, а также все установленные власти трех секций с преобладанием рабоче-ремесленного населения — Музея, Бонн-Нувель и Мои План. Кроме того, за Конвент были революционные комитеты секций с преобладанием буржуазного населения: Лепелетье, Французских гвардейцев и Муции Сцевола, Арси, гражданские комитеты: Горы, Вооруженного человека; революционные комитеты секций, где была значительна мелкобуржуазная прослойка, — Общественного договора, Инвалидов, Марата, Друзей отечества, Хлебного рынка, гражданские комитеты секций Пик и Прута. Из секций с преобладанием рабоче-ремесленного населения за Конвент также выступили революционные комитеты секций Гравилье и Пуассоньер. Революционные и гражданские комитеты умеренных секций с преобладанием буржуазного населения Сите и Арсенала, революционный комитет секции Горы, революционные и гражданские комитеты секций, где была значительна мелкобуржуазная прослойка, — Бон-Консей и Бонне-Руж; революционный комитет секции Монтрей, революционный и гражданский комитеты секции Французского пантеона, гражданские комитеты секций Нонди, Попенкур, где преобладало рабоче-ремесленное население, - колебались.

42 Течь идет уже об упоминавшихся секциях, в которых не было движения за Коммуну, Тюильри, Республики, Революционной, Ломбар, Тамиль, Елисейских нолей, Сплочения, Гренельского фонтана, Единства, Вильгельма Телля, Рынка, Музея, Бонн-Нувель, Мон-Блан. В секции Арсенала, революционный и гражданский комитеты которой колебались, собрание также не было создано.

43 Общие собрания секций: Французских гвардейцев, Хлебного рынка, Гравилье, Инвалидов, Бонди, Прав человека, Предместья Монмартр, Северного предместья, Пик, Монтрей, Кенз-Вен, Горы.

44 См.: Кареев Н. И. Неизданные протоколы... С.23, 39; Собуль А. Указ, соч." С.509, 514-515.

45 Собуль А. Указ. соч. С.508.

46 Без привлечения новых документальных источников нельзя определить в отдельности позиции членов революционных комитетов. Документально подтверждено выступление "левых" вожаков Бодсона, Шмена и Тарро в секции Революционная. См.: *Walter J. La conjuration de Neuf Thermidor*. P., 1974. P. 271-272.

47 *Rapport de Courtois*... P.170.

48 *Saint-Claire Deville P. Op. cit.* P.232.

49 *Ibid* P.258-259.